
Так троица и оказалась в «Железной третьей роте».

Хань Жуй и Шэн Синъюань, как и хотели, попали в одно отделение. Хотя за кулисами командиры отделений едва не сошлись врукопашную, оспаривая лучших бойцов, против странного приказа сверху попереть никто не посмел. Пришлось смириться с тем, что оба главных таланта ушли в первое отделение.

— А я говорю, не по-товарищески ты поступил, малец! — проворчал командир третьего отделения Гу Фэй, который в роте новобранцев командовал вторым взводом.

Шэн Синъюань тут же расплылся в подобострастной улыбке и услужливо протянул ему сигарету.

— Ну что вы, товарищ командир, разве я бы стал? Сам ума не приложу, как так вышло.

— И прямо-таки не приложишь? — усмехнулся Гу Фэй. — Уж не пригрел ли вас кто-то сверху? Да ладно тебе, если есть мохнатая лапа, так и скажи. А то ведь как в роте новобранцев пороги обивал, умолял Хань Жуя с тобой оставить! Не перед нами же, лапотниками, этот спектакль разыгрывать?

— Товарищ командир, ну куда вас понесло? — горько вздохнул Шэн Синъюань. — Нас с Хань Жуем без вины виноватыми выставили. Будь у нас связи, мы бы давно в штабе пристроились. К тому же наша рота... — он воровато огляделся по сторонам и перешел на полусёпот: — Я ведь слышал, тут душу вытрясают на тренировках. Блатные сюда под дулом пистолета не пойдут.

От этих слов лицо Гу Фэя сразу потемнело.

— Это что еще за разговоры? Тяжело им! Не нравится — мотайте отсюда! Наша рота — самый крепкий орешек во всем полку, первый номер!

— Так точно, так точно! Мы еще в роте новобранцев поняли, что вы с ротным — мужики кремнёвые, авторитеты! — Лесть — оружие безотказное, и Шэн Синъюань пустил её в ход без зазрения совести. — Я же не к тому, что мы с Хань Жуем трудностей боимся!

— Хм, ладно, хоть соображаешь, салага, — буркнул Гу Фэй, горделиво задрав подбородок.

— Слышал я, ваше третье отделение — образцово-показательное во всей роте? — продолжал подливать масла в огонь Шэн Синъюань. — Может, как-нибудь выкроите минутку, подучите нас с Хань Жуем уму-разуму?

— У вас свой командир — мужик лютый. Если я сунусь вас учить, он решит, что я к нему в огород лезу, — кокетливо отказался Гу Фэй, расплываясь в довольной улыбке.

— Ну что вы! — рассмеялся Шэн Синъюань. — Наш силен в рукопашной, спору нет. Но по стрельбе-то вам во всей роте равных нет!

— Тут не поспоришь, — затянувшись в последний раз, Гу Фэй затушил окурок и без тени смущения вытянул пачку сигарет прямо из кармана Шэн Синъюаня. — Ладно, раз ты парень толковый, если что прижмет — обращайся к старшему брату.

— Спасибо, товарищ командир! — Шэн Синъюань вытянулся во фрунт, провожая его взглядом.

— Языком чесать ты горазд, — раздался насмешливый голос. Из окна казармы ловко выпрыгнул Хань Жуй.

— И ради кого, по-твоему, я распинаюсь? — Шэн Синъюань зыркнул на него и увлек за собой к скамейке у зеленой зоны. — Не окажись мы в одном отделении, никто бы кости нам не перемывал. А так приходится языки им заговаривать.

— Что, уже в тягость со мной возиться? — Хань Жуй мгновенно насупился, его лицо обдало холодом.

— Да ладно тебе, егоза, — примирительно вздохнул Шэн Синъюань. — Если бы мне это было в тягость, стал бы я за тобой хвостом тащиться? Хочу просто репутацию нормальную заработать, чтобы потом жилось проще.

— Тьфу! — фыркнул Хань Жуй. — Сдалась тебе эта репутация. В армии только один закон работает — вот этот! — Он сжал кулак и сунул его прямо под нос Шэн Синъюаню.

— Кто бы спорил, вещь полезная, — Шэн Синъюань мягко перехватил его руку и осторожно разжал кулак, палец за пальцем. — Но согласись, если улыбка или доброе слово могут расположить к тебе людей быстрее, зачем сразу махать кулаками?

Он держал Хань Жуя за запястье, подставив его раскрытую ладонь под теплые солнечные лучи.

— Смотри. Только когда ладонь открыта, ты можешь удержать мир. А сожмешь в кулак — и в нем ничего не останется.

Хань Жуй молча наблюдал, как тот вертит его пальцы, не зная, что ответить.

— В общем, води себя дружелюбнее, — наставительно произнес Шэн Синъюань.

— Угу, — буркнул Хань Жуй. Его рука все еще оставалась в ладони Шэн Синъюаня, и он слушал вполуха.

— И не упрямься по пустякам. Если надо уступить — уступи, корона не спадет.

— Угу.

— Показывай характер в деле, а в казарме будь проще. Наводи порядок, помогай ребятам.

— Угу.

— Нужно ладить с сослуживцами. Тут тебе не рота новобранцев...

Видя, что нотации затягиваются, Хань Жуй не выдержал:

— Да ты замолчишь наконец? Нудишь.

Шэн Синъюань кашлянул в кулак и с самым невинным видом ответил:

— И не подумаю.

Так они и обосновались в первом отделении.

Поскольку еще в роте новобранцев они ладили с командиром первого взвода — теперь их непосредственным командиром отделения Гао Цзяньго, — привыкание к новому коллективу прошло почти гладко.

Почти, но не совсем. Если у Шэн Синъюаня проблем не возникло, то Хань Жуй умудрился отличиться. То ли в роте новобранцев он слишком привык к верхнему ярусу, то ли еще что, но, увидев выделенную ему нижнюю койку, он недовольно насупился.

— Что не так? — тихо спросил Шэн Синъюань, заметив его кислую мину.

— Не буду я здесь спать, — заупрямился Хань Жуй.

— Почему? Нижнее место же удобнее!

— Не могу привыкнуть.

— Ну ты даешь...

— Чего вы там шепчетесь, как девицы? — окликнул их Гао Цзяньго, заметив заминку.

— Товарищ командир, тут такое дело: Хань Жуй привык к верхнему ярусу, на нижнем у него бессонница, — вызвался переводить Шэн Синъюань.

— Ишь ты, барин какой! — зыкнул на него Гао Цзяньго. — Тебе тут не курорт! Нижняя полка — это привилегия для молодых, забота от командования, а ты нос воротишь!

Заметив, что командир заводится, Шэн Синъюань тут же пошел на попятную:

— Да, товарищ командир, вы абсолютно правы, разбаловали мы его! Давайте я с ним своей полкой поменяюсь?

— Без тебя разберусь, — буркнул Хань Жуй.

— Слышь, салага, ты берега-то не путай! — окончательно помрачнел Гао Цзяньго.

— Товарищ командир, не сердитесь, он не хотел грубить, честное слово, — Шэн Синъюань отчаянно замигал Хань Жую, пытаясь утихомирить назревающую бурю.

— Что за шум, а драки нет? — к ним подошел помощник командира отделения Лу Ливэнь.

— Да вот, товарищ помощник командира, — заюлил Шэн Синъюань, — Хань Жуй рвется на верхотуру, а командир из лучших побуждений выделил ему низ.

— Тоже мне проблема, — усмехнулся Лу Ливэнь и одним махом сдернул свое одеяло с постели.
— Забирай мою койку!

Хань Жуй глянул на кровать — она была аккурат над местом Шэн Синъюаня. Глаза у парня загорелись, и он со скоростью звука зашвырнул туда свой вещмешок.

— Ах ты ж паршивец! Будто кобель территорию метит! — Гао Цзяньго не выдержал и расхохотался от такой наглости.

— Совсем дисциплину растерял, ремень по нему плачет! — поддакнул Шэн Синъюань, незаметно раздавая старослужащим по пачке хороших сигарет и смиренно прося «поучить уму-разуму, если что».

Старослужащие, оценив такую понятливость, решили пока не устраивать новобранцам

классическую дедовскую встряску. Благодаря подвешенному языку Шэн Синъюаня, угрюмость Хань Жуя списали на банальный стресс от перевода в новую часть. Мол, парень просто дичится, но под чутким присмотром старших товарищей быстро исправится.

Так двое новобранцев официально влились в ряды первого отделения.

А вот Чжан Шуая, которого распределили в кухонное отделение той же роты, повезло куда меньше. Буквально на второй день этот недотёпа умудрился навлечь на себя грандиозную беду.

Командир роты У Тао, искренне считавший, что Чжан Шуай годен разве что свиней кормить, стараниями последнего с почётом загремел в госпиталь.

История вышла анекдотическая, но после нее вся рота при одном упоминании Чжан Шуая бледнела. И упрекнуть суровых мужиков в малодушии язык бы не повернулся: пустить такого кадра на кухню — все равно что заложить под казарму пороховую бочку. Никогда не знаешь, когда взлетит на воздух.

Хотя Чжан Шуай прибыл в расположение вместе с Шэн Синъюанем и Хань Жуем, встретили его совсем иначе.

Ротный не переваривал его на дух. Стоило У Тао завидеть парня, как его лицо каменело. Командиры отделений, тертые калачи, сразу почуяли неладное. И действительно, едва Чжан Шуай назвал свое имя, на него градом посыпались презрительные взгляды. «Железная третья рота» считалась элитой 302-го полка, и здешние бойцы органически не переносили трусов и дезертиров. Дурная слава Чжан Шуая бежала впереди него, так что неудивительно, что ротный на него даже смотреть не хотел.

К счастью для новобранца, шефство над ним взял командир кухонного отделения Лао Ма — человек редкой доброты. Он сразу подхватил тяжелый вещмешок Чжан Шуая и добродушно улыбнулся:

— Добро пожаловать в строй, боец!

У Чжан Шуая мгновенно защипало в глазах. Он прекрасно знал отношение ротного и всей роты к себе. Он искренне раскаялся в своей слабости, но завоевать доверие за один день невозможно. Его рвение упиралось в стену глухого презрения, и никто не собирался давать ему второй шанс.

— Ну полно тебе сырость разводить, дело житейское, — Лао Ма увлек его в помещение кухни. — Обживайся. Теперь это твой дом. Будет тяжело — приходи, поговорим. Я-то вижу, что парень ты неплохой.

— Спасибо, товарищ командир! — Чжан Шуай торопливо утер слезы, глядя на старика с

нескрываемой благодарностью.

В минуты глубочайшего падения человеку больше всего нужно простое теплое слово. Чжан Шуай не держал зла на сослуживцев, но всем сердцем жаждал доказать, что он чего-то стоит.

Лао Ма, будучи самым опытным командиром в роте, насквозь видел этих молодых сопляков. Раз уж парень попал к нему, он сделает из него человека. А недовольство ротного... Что ж, как только парень проявит себя в деле, командир сменит гнев на милость. Третья рота не зря звалась «Железной» — здесь ценили только реальные дела и крепкие руки.

— Чжан Шуай, постарайся как следует!

— Есть постараться!

В первый же день Чжан Шуай заступил на кухню. Ему безумно хотелось показать себя, но старослужащие не подпускали его к плите.

— Товарищ командир, я сильный, я могу работать! — негромко попросил он Лао Ма.

— Верю, верю, — весело отозвался Лао Ма, мерно стуча ножом по разделочной доске. — Сегодня просто смотри и запоминай, а завтра начнется настоящая служба.

— Есть!

— Эй, новенький! — окликнул его кто-то из поваров.

— Я! — звонко отозвался Чжан Шуай. На новом месте он больше всего боялся показаться бесполезным бездельником.

— Займись овощами, помой вот это.

— Будет сделано! — он с готовностью подтащил к себе тяжелую корзину.

— Тщательнее мыльной пеной не три, просто промой хорошенько!

— Понял!

Ознакомившись с кухней, Чжан Шуай весь день бегал на побегушках, выполняя мелкие поручения. Его исполнительность пришлась поварам по душе, а сам парень чувствовал себя нужным и счастливым.

Первый день прошел без происшествий. На второй подниматься пришлось затемно, до первых петухов.

Служба в кухонном отделении — далеко не сахар. Накормить досыта сотню здоровых лбов трижды в день — задача не из легких. К тому же сейчас в войсках строго следили за сбалансированным рационом, так что еженедельное составление меню превращалось в настоящую головную боль для руководства.

Разумеется, новобранца Чжан Шуая эти высокие материи пока не касались — его делом было вовремя чистить и мыть подсобный инвентарь. К слову, в кухонное отделение вместе с ним определили еще одного новичка. К огромному удивлению Чжан Шуая, им оказался тот самый круглолицый парень Ян Чао, который во время призывного распределения сидел напротив Шэн Синъюаня и Хань Жуя.

Сам Шэн Синъюань при встрече с толстяком лишь удивленно приподнял брови, но, поскольку близко они знакомы не были, просить его присмотреть за Чжан Шуаем не стал. Зато Чжан Шуай искренне обрадовался ровеснику. Они быстро нашли общий язык, ведь оба призывались в один призыв, что сразу сближало.

Один носил воду, другой мыл овощи — работа спорилась, и дело шло на лад.

Как только утренний аврал с завтраком завершился, на кухне наступило относительно затишье.

— Ну всё, перекур! — Лао Ма сдернул с себя фартук и устало опустился на табурет.

— Держите, товарищ командир! — шустрый Ян Чао тут же подскочил к нему, протягивая сигарету.

Старик не стал отказываться, благосклонно принял угощение и затянулся, прикрыв глаза от удовольствия.

— То-товарищ командир... — Чжан Шуай среагировал с опозданием. Пока он робко нашаривал пачку в кармане, Лао Ма уже вовсю дымил.

Старый повар повернулся к нему. Глядя на растерянную физиономию парня, он не знал, злиться ему или смеяться.

— Да прячь ты свою пачку, ты же не куришь вроде?

Чжан Шуай смущенно кивнул и послушно убрал сигареты обратно.

Лао Ма только покачал головой. Сказали спрятать — он и спрятал, даже не догадался предложить сигарету другим старослужащим. Редкой простоты парень, святая простота!

Весь день Чжан Шуай безропотно пахал на одном месте, пока Ян Чао всюду крутился юлой, налаживая связи со старослужащими. Чжан Шуай провожал его суетливую фигуру полным зависти взглядом, но прекрасно понимал: прыгнуть выше головы ему не суждено. На нем висело клеймо неблагонадежного бойца, и, кроме Лао Ма, все смотрели на него волком.

«Эх, даже к ребятам некогда сбегать, проведать...» — уныло думал он, яростно мая огромный котел.

— Лао Ма! — раздался у дверей зычный бас ротного У Тао. — Еда осталась какая?

— Товарищ командир! — Лао Ма мгновенно вскочил. — Чего так поздно?

У Тао мельком глянул на часы и виновато развел руками:

— На совещании в штабе полка застрял. Если плиты уже остыли, пойду к себе, заварю лапши быстрого приготовления.

— Какая лапша, разве ей наешься? — замахал руками старый повар. — Ступайте к себе, я сейчас мигом соображу что-нибудь горячее и пришлю.

— Ну выручил, спасибо! Дел невпроворот, еще отчет за месяц дописывать, так что посидеть у вас не получится, — вздохнул У Тао.

— Идите-идите, нечего тут топтаться. Не оставим же мы командира голодным! — Лао Ма ловко зашуршал у плиты, раздувая угли, и шутливо выставил ротного за дверь. — Ждите у себя!

У Тао кивнул и пошагал в канцелярию.

— Чжан Шуай! Заканчивай там и иди сюда, — позвал Лао Ма. Все остальные уже разошлись, на кухне наводили лоск только они вдвоем.

— Слушаюсь, — парень аккуратно расставил посуду по полкам и послушно подошел к плитам.

— Я сейчас ротному лапши на скорую руку сварю, а ты отнесешь.

— А? — у Чжан Шуая внутри все похолодело. — Лично ротному?

— Ну и дурень же ты! — Лао Ма неодобрительно хмыкнул, кроша зелень. — Ротный на тебя зуб

точит, так покажи себя с лучшей стороны! Парой слов перекиньтесь, уважение прояви. Или ты всю службу собрался в изгоях ходить?

Даже до тугодума Чжан Шуая дошло, что старик пытается выхлопотать ему прощение. Но страх был сильнее.

— Но я... боюсь...

— Кого бояться? Он тебе башку, что ли, откусит? — прикрикнул Лао Ма, насупив брови. — Сказано — иди, значит, иди!

— Есть!

— А ну-ка, подай мне соль!

— Держите!

— Глутамат!

— Вот!

— Смесь специй!

— Пожалуйста!

Под чутким руководством Лао Ма на свет появилась исходившая паром глубокая миска наваристой лапши с приправами. Упаковав её в термоконтейнер, старик вытолкнул робеющего парня за дверь.

Чжан Шуай шел по коридору казармы, бережно сжимая контейнер обеими руками. Сердце в груди выстукивало сумасшедший ритм. «А вдруг выставит вон?» — билась в голове трусливая мысль.

— Раз-разрешите войти! — голос парня предательски дрогнул у двери канцелярии.

— Входи!

Чжан Шуай бочком проскользнул внутрь.

У Тао сидел за столом, обложившись бумагами, и строчил рапорт, не поднимая головы:

— Что там у тебя?

— Лапша.

Аппетитный аромат специй коснулся ноздрей ротного, заставив его оторваться от писанины. Намечавшаяся на лице довольная улыбка мгновенно испарилась, сменившись гримасой раздражения:

— Ты?!

Чжан Шуай робко опустил глаза, мысленно соглашаясь: «Знаю, что видеть меня не хотите».

— Какого черта тебе здесь надо? — У Тао насупился еще сильнее.

Новобранец молча придвинул контейнер ближе к командиру:

— Лапша. Горячая.

— Ты что, блин, слова бережешь для особого случая? — проворчал ротный. Аппетит при виде этого недотепы поубавился, но обижать Лао Ма отказом не хотелось.

Чжан Шуай застыл посреди кабинета неприкаянным столбом, не зная, куда девать руки.

— Поставь на угол стола и свободен, — буркнул У Тао, махнув рукой.

— Надо... съесть, пока не остыла, — наконец выдавил из себя парень.

У Тао уперся кулаками в бока и рывкнул:

— Я тебе что, пацан зеленый, чтобы ты меня жрать учил?!

— Я просто... — Чжан Шуай замялся, но все же решился проявить заботу: — Когда закончите, я могу посуду помыть.

Глядя на его простодушное, исполненное искреннего рвения лицо, У Тао растерял весь пыл.

— Ладно! Хочешь мыть — мой! — ротный притянул к себе контейнер, сорвал крышку и принялся неистово орудовать палочками, шумно втягивая лапшу. То ли присутствие Чжан Шуая действовало на нервы, то ли день выдался на редкость паршивым, но еда показалась ему безвкусной и тяжелой.

— Вы... поаккуратнее, подавитесь же... — наблюдая за этой яростной трапезой, Чжан Шуай сам почувствовал резкую боль в желудке.

— Если я буду жевать медленнее, эта бурда вообще в горло не пролезет! — доев до половины, У Тао шумно выдохнул и вытер рот тыльной стороной ладони. — Колись, яд туда подсыпал?

— Что вы, как можно! — испугался Чжан Шуай.

— То-то же, кишка у тебя тонка на такое дело! — ротный выставил пустую посуду на тумбочку у входа и раздраженно махнул рукой: — Свободен!

Чжан Шуай поспешно подхватил контейнер и выскользнул за дверь, а У Тао снова погрузился в дебри армейской канцелярии.

Однако не прошло и четверти часа, как в животе у командира роты неприятно заныло. У Тао не придал этому значения, решив, что просто перехватил наспех, и запил боль глотком горячей воды. Но спазмы лишь усилились. Очень скоро боль стала невыносимой — острой, скручивающей внутренности тугим жгутом. Не помогал даже прижатый к желудку кулак. Лоб ротного покрылся крупными каплями холодного пота.

— Эй... Кто-нибудь... — хрипло позвал он, хватаясь за край стола.

Кое-как добравшись до стены, он двинулся к выходу. К горлу неодолимой волной подкатила тошнота.

Изнутри его буквально рвало на части: желудок выворачивало наизнанку, а внизу живота назревал настоящий ураган. У Тао показалось, что эта пытка в тысячу раз хуже любого пулевого ранения.

Его шумно вырвало прямо на пол кабинета кислым полупереваренным варевом. Но хуже всего было то, что бурлящий в кишечнике поток грозил вот-вот прорвать оборону и опозорить его прямо в штабе роты.

«Что за чертовщина?! Неужели этот ублюдок меня всё-таки отравил?!»

<http://bllate.org/book/18240/1765399>